

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
ЕВРОПЫ
URGENT
PROBLEMS
OF EUROPE

Научный журнал
2014 – № 2

**СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЕ СТРАНЫ ЕВРОПЫ:
ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

**MEDITERRANEAN COUNTRIES OF EUROPE:
TRENDS OF POLITICAL AND
SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT**

Издается с 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Москва
2014

Журнал «Актуальные проблемы Европы»

Коллектив авторов

**Актуальные проблемы
Европы №2 / 2014**

«Агентство научных изданий»

2014

УДК 331.5
ББК 66.2

Коллектив авторов

Актуальные проблемы Европы №2 / 2014 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2014 — (Журнал «Актуальные
проблемы Европы»)

Выпуск журнала посвящен современным тенденциям развития средиземноморских стран Европы. Анализируются способы и механизмы решения проблем, обусловленных мировым финансово-экономическим кризисом, вызовами безопасности, потребностями гуманитарного сотрудничества. Особое внимание уделяется деятельности политических партий европейских стран Средиземноморья. Для научных работников, преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов.

УДК 331.5
ББК 66.2

Содержание

Сведения об авторах	5
Введение	7
Средиземноморские страны Европы: Состояние, проблемы, перспективы	12
Культурно-историческое своеобразие Средиземноморского региона	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Актуальные проблемы Европы № 2 / 2014 Средиземноморские страны Европы: Тенденции политического и социально-экономического развития

Сведения об авторах

Андросова Дарья Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИНИОН РАН.

Androsova D.N. – candidate of sciences (Ph.D in History), Research fellow, INION, Russian Academy of Sciences. (androsova@gmail.com)

Базаркина Дарья Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, ассоциированный исследователь Центра коммуникационного менеджмента Российско-немецкой высшей школы управления РАНХиГС при Президенте РФ.

Bazarkina D.Y. – candidate of sciences (Ph.D in History), Assistant professor in the Sholokhov Moscow State University for Humanities at the Faculty of Journalism, Associated researcher at the Communication Management Centre in the Russian-German Graduate School of Management at the Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (bazarkina-icspsc@yandex.ru)

Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических и политических наук, профессор Кубанского государственного университета (КГУ), действительный член Академии политической науки.

Baranov A.V. – doctor of political sciences (Sc.D), doctor of historical sciences (Sc.D), Professor of political science and political management in FSBEI HPE «Kuban State University». (baranovandrew@mail.ru)

Довбыш Евгений Геннадьевич – аспирант Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО).

Dovbysh E.G. – Ph.D student in the Institute of World Economy and International Relations. (edovbysh@gmail.com)

Джанда Кеннет – почетный профессор сравнительной политологии факультета политологии Северо-Западного университета (Иллинойс, США), соавтор учебного пособия «Трудным путем демократии» («The Challenge of Democracy»). К. Джанда – один из основателей и редакторов международного журнала «Party Politics».

Janda K. – Professor Emeritus Northwestern University's Political Science Department (Illinois, USA), his co-authored «The Challenge of Democracy» textbook is used in hundreds of colleges across the nation. He co-founded the international journal, Party Politics, which he still co-edits. (k-janda@northwestern.edu)

Зайцев Дмитрий Владимирович – аспирант Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), исследователь Научно-исследовательского института бизнеса Свободного университета Амстердама.

Zaytsev D.V. – Ph.D student in the St. Petersburg University Graduate School of Management, Researcher in the Amsterdam Business Research Institute, VU University. (dmitryvzaytsev@mail.ru)

Кутырев Георгий Игоревич – младший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Kutyrev G.I. – Junior researcher, INION, Russian Academy of Sciences.
(kutyrevgeorge@gmail.com)

Погорельская Светлана Вадимовна – кандидат политических наук, доктор философии Боннского университета, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Pogorelskaja S.V. – candidate of sciences (Ph.D in Political Science, Ph.D University of Bonn), Senior research fellow INION, Russian Academy of Sciences. (pogorels@inion.ru)

Самара Мария Алиса – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Нового лиссабонского университета, факультета социальных и гуманитарных наук (Лиссабон, Португалия).

Samara M.A. – Ph.D (History), Research fellow in the Institute of Contemporary History at Faculty of Social and Human Sciences (Nova University of Lisbon). (alice.samara@gmail.com)

Шкурихин Илья Андреевич – аспирант Томского государственного университета (ТГУ).

Shkurikhin I.A. – Ph.D student in the Tomsk State University (TSU). (shkuril@mail.ru)

Хенкин Сергей Маркович – доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД РФ, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

Khenkin S.M. – doctor of historical sciences (Sc.D), Professor of political science in MGIMO University, Leading research fellow INION, Russian Academy of Sciences. (sergkhenkin@mail.ru)

Введение

Европейское Средиземноморье представляет собой лоскутное одеяло, сотканное из стран, судьбы которых были связаны на протяжении многих веков, что и предопределило особый характер развития культурных, экономических и политических связей в регионе.

Серьезным вызовом для национальных экономик европейских стран стал кризис, начавшийся в 2008 г. и затронувший все сферы деятельности стран ЕС. Серьезнее всего он ударил по южным странам Евросоюза.

На средиземноморском побережье Европы проживает более 150 млн человек. Это число удваивается во время туристического сезона. Порты Средиземноморья принимают каждый год около миллиона туристов. Средиземноморье также является важным транзитным коридором для 30% поставок, выполняемых в мире морским путем, в том числе для 20% морских перевозок нефти. Половина флота ЕС дислоцирована в Средиземном море.

Географическим положением стран данного региона обусловлены определенные риски, возрастающие с развитием кризиса. Например, европейские страны Средиземноморья сталкиваются с серьезными угрозами в области безопасности, такими как нелегальная иммиграция, транснациональная преступность, наркотрафик, незаконная промысловая деятельность, а также с серьезными экологическими проблемами, связанными с разрушительным воздействием на экосистему Средиземного моря экономической деятельности в его акваториях и на берегах.

Кризис усугубил все эти проблемы, и страны были вынуждены решать их сообща. Так, в ноябре 2012 г. в Лимасоле (6) министры Европейского союза единогласно поддержали концепцию «синей экономики» (Blue economy) в Европе, признавая, что море предоставляет возможности для экономического роста и появления новых рабочих мест.

В условиях кризиса странам Средиземноморья пришлось срочно принимать меры жесткой бюджетной экономии. Некоторые, в частности Греция и Португалия, были вынуждены обратиться за внешней поддержкой. Неудачи третьей и четвертой экономик еврозоны – итальянской и испанской – также увеличили существующую напряженность, а в ноябре 2011 г. стремительный рост процентных ставок по итальянским облигациям заставил правительство С. Берлускони уйти в отставку. В Испании были проведены досрочные парламентские выборы, приведшие к власти (как полугодом ранее в Португалии) правую оппозицию с программой неолиберальных реформ.

В ноябре 2012 г. в Брюсселе Европейская комиссия объявила о необходимости совместного сотрудничества в условиях кризиса с целью предотвращения его дальнейшего развития и сокращения последствий (7). Еврозона мобилизовала ресурсы для помощи периферийным странам, однако окончательного выхода из кризиса пока не видно. Сложившаяся ситуация постоянно обсуждается лидерами ведущих европейских стран и выносится на повестку дня на саммитах ЕС.

Материалы, представленные в сборнике, посвящены анализу современных тенденций развития средиземноморских стран Европы и дают представление обо всем комплексе проблем, связанных с данным регионом. Основная задача сборника – дать сжатый аналитический срез важнейших событий и факторов, оказавших влияние на развитие Средиземноморского региона в последнее время: особенностей его культурно-исторического своеобразия, эффективности и качества государственного управления, национальной и региональной политики, деятельности партий и общественно-политических движений, развития новых видов террористической деятельности, основных направлений внешней и внутренней политики средиземноморских стран.

Принцип композиции сборника состоит в том, чтобы охватить по возможности самый широкий спектр подходов к рассмотрению тех или иных проблем, представив в рамках одного издания работы высококвалифицированных специалистов и молодых ученых, являющихся экспертами в различных областях знания и приверженцами разных научных школ.

Материалы сборника сгруппированы в три раздела.

Первый раздел включает обзорные статьи, посвященные анализу различных аспектов жизни Средиземноморского региона: культурных, исторических, политических и экономических.

Номер открывается обзорной статьей доктора исторических наук, ведущего отечественного испаниста С.М. Хенкина, в которой предпринимается попытка проанализировать многогранный культурно-исторический облик Средиземноморья – гигантского пространства на стыке Европы, Азии и Африки, места встречи многих цивилизаций, религий и культур. По мнению исследователя, опыт этого неповторимого региона свидетельствует о возможности преодоления барьеров между различными языками и духовными мирами, что крайне важно в свете многочисленных прогнозов о неизбежном «конflikте цивилизаций».

В новой статье патриарха американской политологии К. Джанды, известного своими масштабными кросснациональными исследованиями политических партий¹, на основе индекса «верховенство закона» Всемирного банка за 2013 г. и материалов монографии «Партийные системы и эффективность государства»² (где он фигурирует в качестве соавтора) рассматривается отношение между качествами партийной системы и эффективностью государственного управления с использованием статистических данных, полученных в 22 странах Средиземноморского региона.

В своем исследовании К. Джанда подвергает проверке предположение, что государства, где имеются более высокие рейтинги по характеристикам партийной системы (фрагментированность, конкурентность и изменчивость), должны получать более высокие рейтинги по индикаторам качества и эффективности государственного управления.

При этом автор опровергает политологические стереотипы, восходящие к постулату Монтескье о прямой зависимости эффективности государственного управления от климата и рельефа страны: «В жарких странах обыкновенно царит деспотизм. Наоборот, на севере, где климат суровый и преобладают бесплодные земли, люди закалены, храбры и свободолюбивы. Для северных народов характерны умеренные формы правления» (1). Исследование подтверждает, что стабильность партийной системы способствует повышению качества государственного управления в условиях «электоральных демократий».

В статье кандидата политических наук С.В. Погорельской исследуется деятельность так называемых «тихих институтов» – «партийных фондов» ФРГ в средиземноморских странах Европы, которые стали объектами повышенного внимания европейского сообщества, в первую очередь Германии и Франции, поскольку предлагают урегулирование кризиса еврозоны по собственным рецептам. Особое внимание в данной статье уделяется нынешней деятельности партийных фондов ФРГ в Греции – одной из самых проблемных точек Южной Европы.

¹ Стремясь охватить в своих исследованиях все регионы мира, включая в выборку слабые и сильные партии, правящие и находящиеся в оппозиции, молодые и имеющие давнюю историю (всего 158), К. Джанда использовал глобальный подход, позволяющий, по его мнению, «концептуально отобразить все многообразие различий между партиями и обеспечить эмпирическую проверку гипотетических предположений» (4, с. 93–94). На поздней стадии исследования было добавлено еще 50 партий. Реализация такого грандиозного замысла потребовала построения концептуальной (предтеоретической) модели партии, ее операционализации, т.е. создания аналитического инструментария, и использования нетрадиционных методов сбора и обработки информации.

² Книга посвящена двум важным проблемам современной политической науки: концептуализации понятия «эффективность государственного управления» (governance) в контексте научного исследования и анализу связи между характеристиками национальных партийных систем и качеством государственного управления (2).

Во втором разделе представлены материалы, в которых анализируются основные направления внутренней политики Иберийского полуострова, т.е. Испании и Португалии, в условиях глобального кризиса, обнажившего множество проблем, как старых, ставших хроническими из-за того, что их решение постоянно откладывалось, так и совершенно новых.

Открывает раздел статья старшего научного сотрудника Нового лиссабонского университета М.А. Самары. Исследователь рассматривает роль исторической памяти о борьбе с корпоративным режимом «Нового государства»³ в политике португальских «новых левых» и в деятельности стихийных общественных движений. Автор показывает, как «национальные образы прошлого» становятся важным ресурсом для завоевания и укрепления доверия граждан и как память инструментализируется в политических целях.

В работе доктора исторических и политических наук А.В. Баранова рассматривается проблема традиционно болезненного конфликта Мадрида и Барселоны. Созданное в результате принятия постфранкистской Конституции 1978 г. «государство автономий», ставшее компромиссной формой урегулирования национально-региональных противоречий, уберегло многонациональную страну от дезинтеграции во время демократического транзита. Однако на сегодняшний день «государство автономий» требует существенной трансформации, поскольку не может эффективно ответить на вызов националистических общественно-политических движений, в том числе каталонского сепаратизма, заметно активизировавшегося в условиях мирового экономического кризиса.

Основная цель работы И.А. Шкурихина – попытка на основе использования делиберативного подхода⁴ решить проблему легитимности консервативного правительства М. Рахоя (2011 – н. в.), которому досталось тяжелое наследство правительства Х.Р. Сапатеро, в свое время сменившего курс с повышения производства и спроса на политику сокращения бюджетных расходов (сокращение заработной платы государственных служащих, замораживание значительной части пенсий, отмена одноразовых выплат в связи с рождением ребенка). Поскольку правительство Народной партии (НП) продолжило следовать курсом «жесткой экономии», за который сама НП еще недавно упрекала социалистов, вновь активизировалось стихийное общественное движение «возмущенных», выступающее с резкой критикой пороков испанской государственной системы. В результате перед правительством М. Рахоя встала задача повысить свою легитимность.

По мнению И.А. Шкурихина, этого можно добиться путем налаживания институционализированного диалога власти и институтов гражданского общества, в данном случае – так называемых «народных ассамблей» (*asamblea popular*), а также комиссий, обсуждающих «положение дел в определенных сферах (экономика, образование, положение женщин, экология и др.) и разрабатывающих предложения» (5). Однако учитывая, что НП обладает абсолютным большинством мест в кортесах, а народные ассамблеи недостаточно сильны и подвержены обюрокращиванию, делиберация, т.е. переговоры с целью нахождения компромиссов между властью и «улицей», в ближайшее время представляется маловероятной.

В своей статье кандидат исторических наук Д.Н. Андросова рассматривает различные модели развития испанской корпоративной благотворительности в условиях кризиса. Исследуя

³ С момента прихода к власти А. Салазара и принятия в результате референдума корпоративной Конституции 1933 г., в которой впервые были опробованы мобилизующие функции Национального союза – официальной авторитарно-доминантной партии, отсчитывается существование корпоративного режима «Нового государства» (1933–1974) – без малого сорок два года вплоть до военного переворота 1974 г., который покончил с режимом и невольно инициировал глобальное демократическое движение – «третью волну демократизации».

⁴ «В отличие от современной демократической практики, где голосование является центральным элементом демократического процесса (электоральная демократия), теоретики делиберативной демократии утверждают, что подлинная легитимность законодательных актов может возникнуть лишь через их предварительное публичное обсуждение, открытость, терпимость к чуждому мнению, готовность скорректировать свою первоначальную позицию в случае появления в процессе дискурса “лучшего аргумента”, нежели артикулированного ранее» (3).

взаимозависимость бизнеса и стратегий благотворительности для средиземноморской модели, Д.Н. Андросова приходит к выводу, что развитие корпоративных благотворительных программ и проектов в условиях кризиса не только не остановилось, но в некоторых случаях даже продолжилось нарастающими темпами. Исследователь предполагает, что филантропическая деятельность в условиях кризиса продолжает успешно развиваться ввиду того, что она по-прежнему выполняет свою функцию как по привлечению заинтересованных сторон (потенциальных сотрудников, покупателей), так и по увеличению прибыли компаний.

В аналитическом обзоре Г.И. Кутырева и Д.В. Зайцева рассматривается современное состояние предпринимательской деятельности в Испании, которая играет большую роль в становлении испанской демократии наряду с развитым гражданским обществом, управляемой бюрократией и многопартийностью. Анализируя собранный материал, авторы делают вывод, что, несмотря на высокий уровень неопределенности, вызванной глобальным кризисом, у предпринимательской деятельности в Испании имеется существенный потенциал.

Третий раздел состоит из работ, посвященных проблемам безопасности и региональной политики.

В статье кандидата исторических наук Д.Ю. Базаркиной на примере итальянских террористических организаций рассматривается новое измерение международного терроризма – информационно-коммуникативное. Исследователь показывает, как, используя всемирную информационно-коммуникативную взаимосвязанность, террористы вносят ту или иную проблему в международную повестку дня, а также формируют определенное восприятие проблемы у аудитории. По мнению Д.Ю. Базаркиной, анализ информационно-коммуникативного измерения деятельности террористических организаций (в данном случае – итальянских «красных бригад» и «Неформальной анархистской федерации») имеет принципиальное значение для выработки комплексной стратегии противодействия.

В этом же разделе публикуется сводный реферат статей нескольких известных исследователей, рассматривающих историю кипрской проблемы, существующей с 1963 г., когда в недавно обретшей независимость стране начались этнические столкновения между греками и турками.

Редколлегия журнала надеется, что материал сборника восполнит имеющийся недостаток информации о европейских странах Средиземноморья и послужит стимулом для дальнейшей научной дискуссии.

Список литературы

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Пер. с фр. А.И. Рычагов, В.А. Скиба // Библиотека Гумер. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/aron/01.php
2. Гаспарян О.Т. Партийные системы и эффективность государства: Рецензия на книгу: Janda K., Kwak J.-Y. Party systems and country governance. – Boulder, CO: Paradigm Publ., 2011. – 225 p. // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013. – № 1. – С. 293–300.
3. Зайцев А.В. Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // NB: Проблемы общества и политики. – М.: NOTA BENE, 2013. – № 5. – С. 29–44. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_689.html
4. Кулик А.Н. Сравнительный анализ в партологии: Проект К. Джанды // Полис. – М.: Наука, 1993. – № 1. – С. 92–98.
5. Хенкин С.М. «Движение возмущенных» в Испании: Новая форма социального протеста // Перспективы / Фонд исторической перспективы. – 02.12.2011. – Режим доступа: http://perspektivy.info/oikumena/europe/dvizhenije_vozmushhennyh_v_ishpanii_novaja_forma_socialnogo_protesta_2011-12-02.htm

6. Damanaki M. Reviving the Mediterranean blue economy through cooperation: Speech at the 12 th facility for Euro-Mediterranean investment and partnership conference // Press releases database / European Commission. – Athens, 2013. – 18 April. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-341_en.htm

7. New European Commission civil protection initiative in Euro-Mediterranean region // Press releases database / European Commission. – Brussels, 2012. – 8 November. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-12-1188_en.htm

Д.Н. Андросова,

Г.И. Кутырев

Средиземноморские страны Европы: Состояние, проблемы, перспективы

Культурно-историческое своеобразие Средиземноморского региона

С.М. Хенкин

Аннотация . В статье воссоздана ретроспектива историко-культурного развития Средиземноморского региона с древнейших времен. Значительное внимание уделяется современным реалиям, в частности проблеме Север–Юг, во многом определяющей цивилизационное своеобразие этого региона.

Abstract. The article discusses in the retrospective way the cultural-historical development of Mediterranean region from ancient times. It focuses on modern realities, in particular – the problem of the North–South divide, which defines the civilizational diversity of the region.

Ключевые слова : Средиземноморье, цивилизация, международно-политический регион, Евросредиземноморское партнерство, стабильность.

Keywords: Mediterranean region, civilization, international political regionalism, Union for the Mediterranean, stability.

Средиземноморье, протянувшееся от Гибралтара до Суэцкого перешейка и Красного моря, представляет собой уникальное географическое и историческое пространство, где встречаются и расходятся три континента – Европа, Азия и Африка⁵. Это зона встреч цивилизаций, здесь сосредоточены крупнейшие религии мира (христианство, мусульманство, иудаизм). Многие столетия Средиземноморский регион оставался центром мировой жизни, влияние которого распространялось далеко за его пределы.

Средиземное море омывает берега 21 государства трех континентов. Средиземноморский регион – это своего рода пестрое лоскутное одеяло, регион регионов, точнее, субрегионов. Он включает Южную Европу, Балканы, Ближний Восток, Северную Африку. Здесь присутствуют страны, находящиеся на различных уровнях социально-экономического развития, с разными политическими системами.

Целостность этого региона определяется наличием жизненно важного транспортно-коммуникационного пути – Средиземного моря. Геополитическое единство региона обусловлено также общими для всех находящихся здесь стран вопросами стабильности и безопасности. По существу, Средиземноморье можно рассматривать не только как географический, но и как международно-политический регион, поскольку государства, расположенные здесь, объединяет проблемно-политическая общность (2, с. 8).

Из истории средиземноморских цивилизаций

Средиземное море справедливо называют колыбелью человечества. На его берегах появилось множество культур и цивилизаций, в том числе самых могущественных, на разва-

⁵ Следует иметь в виду, что в научной литературе термин «Средиземноморье» используется как в узком, так и – реже – в широком смысле. В узком смысле имеются в виду территории, непосредственно прилегающие к Средиземному морю, в широком – пространство от Гибралтара до Черноморской зоны включительно. В настоящей статье этот термин используется в узком смысле.

линах которых сформировался современный цивилизованный мир, – месопотамская, египетская, персидская, финикийская, иудейская, древнегреческая, римская, арабская, армянская, турецкая.

Здесь сложились исключительно благоприятные климатические и географические условия для межэтнического и межкультурного общения. Каждый этнос и каждая культура могли одновременно общаться не с одним-двумя, а с десятками иных этносов и культур. По замечанию российского ученого Р. Ланды, «с древнейших времен люди гораздо меньше боялись воды, чем мертвых пустынь, непреодолимых гор и непроходимой чащи лесов, кишевших хищниками. Поэтому, как ни парадоксально, водные пути, несмотря на бури и кораблекрушения, издревле функционировали регулярнее, чем сухопутные, когда речь шла о больших расстояниях» (9).

Контакты способствовали лучшему узнаванию соседей по Средиземноморскому бассейну, обмену хозяйственным и культурным опытом, взаимопроникновению языков. Разумеется, контакты народов не всегда носили мирный характер торговых и культурных обменов. Зачастую это были военные походы и истребительные войны. Примечательно, что и во время войн цивилизации продолжали в техническом отношении влиять друг на друга. Военно-технические новшества переходили от одной стороны к другой, материальная база войны становилась одинаковой.

На протяжении многих веков лидерство переходило от одной этнокультуры к другой, причем последующая вбирала многие элементы предшествующей, обогащалась ею и приобретала синкретический характер. Средиземноморье стало родиной большинства известных человечеству синкретических цивилизаций, убедительно доказав возможность преодоления барьеров между расами, религиями и духовными мирами (9).

Первые великие цивилизации появились в IV тыс. до н.э. на восточном берегу Средиземноморья – шумерская в Месопотамии и египетская. Торговые пути соединяли Египет и Месопотамию с Малой Азией и Закавказьем. По ним перевозились драгоценное дерево, шерсть и металлы. Развитие торгового флота превратило Восточное Средиземноморье в связующее звено между Ближним Востоком, Европой и Северной Африкой. Египетская цивилизация, просуществовавшая дольше месопотамской, развивалась в условиях постоянных иноземных влияний. Многие сопредельные территории (Сирия, Палестина, Ливия) становились объектом экспансии Египта. Вместе с тем и сама эта страна неоднократно попадала под чужеземное иго.

Воздействие разнообразных культур испытала и еще одна из самых известных цивилизаций Средиземноморья – древнегреческая. Она усвоила достижения Древнего Египта, Сирии, Финикии, Персии.

1200–800 гг. до н.э. стали временем расцвета Финикии – государства на восточном побережье Средиземного моря с центром в современном Ливане. Финикийцы создали мощную цивилизацию, отличавшуюся развитыми ремеслами и богатой культурой. Одним из крупнейших их достижений стало изобретение алфавитного письма, позволившего миллионам людей освоить грамоту.

Финикийцы не завоевывали соседние страны, создавая свою империю торговым путем. Они были народом мореходов. В поисках новых рынков сбыта и дешевого сырья корабли финикийцев плавали по всему Средиземному морю, заходили в воды Атлантики. Их опорные пункты появились в западной части Средиземноморья – в Северной Африке, на Сицилии, Сардинии и Корсике, на Пиренейском полуострове.

Самой крупной колонией финикийцев стал Карфаген, влияние которого распространилось на все средиземноморское побережье Магриба и Испании. Стремясь добиться полной гегемонии над западной частью Средиземноморья, Карфаген столкнулся с могущественной Римской республикой, объединившей под своей властью практически всю Италию. Рим сра-

жался с войсками Карфагена в трех Пунических войнах и в конце концов разгромил его и уничтожил.

К началу I в. до н.э. Рим превратился в столицу огромной средиземноморской державы, добившись политического единства всего Средиземноморского региона. По словам известного британского историка Дж. Норвича, «Рим стал бесспорным хозяином Средиземноморья» (12, с. 72). Не случайно римляне называли Средиземное море «Mare Nostrum» («Наше море»), а другие народы – «Римским озером».

Отличительной особенностью римской общины была ее открытость, готовность принимать новых граждан, независимо от их этнического статуса и вероисповедания. Все жители необъятной Римской империи, в том числе и беглые рабы, получали права гражданства. Такая стратегия позволяла осуществлять успешную завоевательную политику и долгое время сохранять власть над завоеванными территориями.

Она же привела к тому, что в римской культуре соединились элементы культур разных народов Средиземноморья. Безусловно, римляне многое заимствовали у других народов. Но это было не слепое заимствование, а способность вбирать и переваривать чуждые элементы, сохраняя свои особенности (7, с. 14–15.)

Именно так обстояло дело с римским законодательством, которое на протяжении столетий обладало непререкаемым авторитетом и стало действительно универсальным для всех народов Средиземноморья. Римское право было взято на вооружение христианством, поскольку содержало важнейшие для последнего идеи всеобщей справедливости и равенства людей перед Богом. Римское законодательство представляло собой синтез национальных и общесредиземноморских правовых норм, римского права и христианской морали (7, с. 14–15).

После падения Римской империи целостность развития Средиземноморья была утрачена. Возобладала существовавшая и в «доримскую» эпоху разнородность развития. В разное время определились два культурных центра – Византия и Аль-Андалус.

Первоначально лидирующее положение в Средиземноморье заняла Византия, просуществовавшая почти тысячу лет (476–1453). Одно из важных отличий Византии от Западной Римской империи состояло в преобладании на ее территории греческой культуры. Византия, находившаяся на перекрестке культурных влияний Востока и Запада, сохранила античное наследие и донесла его до многих стран средневековой Европы, подготовив почву для эпохи Возрождения. Не менее существенно и то, что Византия обогатила мир православной культурой. Благодаря ей православие стало достоянием Древней Руси, Болгарии, Сербии, Албании и многих других стран.

Примерно три столетия спустя еще одним культурным центром Средиземноморья стал Кордовский халифат в Испании. В 711 г. мусульманские армии, состоявшие из африканских арабов и берберов (в Испании тех и других именовали либо маврами, либо арабами), пересекли Гибралтарский пролив и за несколько лет почти полностью захватили Пиренейский полуостров, сокрушив существовавшее здесь Вестготское государство.

Захваченные земли арабы стали называть «Аль-Андалус». Переживавшая в VIII–X вв. период экономического расцвета мусульманская Испания превратилась в политический и культурный центр Европы. Кордовский халифат прославился своими выдающимися достижениями в области философии, медицины, поэзии, музыки, архитектуры. Арабы оказали большое влияние на культуру и науку Испании, Португалии, Италии (особенно Сицилии и Сардинии), Франции (прежде всего ее южной части), Мальты.

Примечательно, что Византия и Аль-Андалус поддерживали постоянные контакты, хотя и были разделены водами Средиземного моря. Между ними имели место торговые сношения, связи интеллектуального характера, которые осуществлялись через христианских и мусульманских паломников (9).

Многие годы Средиземноморье оставалось крупнейшей зоной деловой активности и обменов, центром самой прибыльной международной торговли. Известный французский историк Ф. Бродель, знаток истории Средиземноморья, включает в это понятие «не только само море, но и все то, что на более или менее удаленном расстоянии от его берегов приводилось в движение жизнью обменов». Ф. Бродель определяет Средиземноморье XVI в. как «особый мир-экономику», «определенное экономическое единство, которое, по правде говоря, строилось сверху, начиная с господствовавших городов Северной Италии, прежде всего Венеции, а также наряду с нею Милана, Генуи, Флоренции» (3, с. 2).

Для этого «особого мира-экономики» были характерны постоянные перемещения населения. «Люди перемещаются, невзирая на наличие государственных границ и разное вероисповедание. Этого требуют нужды мореплавания и торговли, превратности войны и морского разбоя, обстоятельства, заставляющие идти на временные союзы и порывать с ними... В Средиземноморье все смешалось: люди, идеи, верования, жизненные навыки, кодексы любви...», — отмечает Ф. Бродель (4, с. 592, 595). Вместе с тем пестрота и многоязычие крупных портовых центров (Венеция, Алжир, Ливорно, Марсель, Салоники, Александрия, Барселона, Константинополь) отнюдь не исключают того, что элементы этой смеси «не сливаются в однородную массу, остаются раздельными, обособленными и все более ясно различимыми по мере удаления от основных центров» (4, с. 597).

«Мир-экономика» Средиземноморья не считалась с политическими и культурными границами империй и цивилизаций. В XVI в. экономическая деятельность простиралась «явственно наметившиеся и весьма определенно ощущавшиеся границы между цивилизациями, делившими между собой пространство Средиземноморья: греческой, униженной и замкнувшейся в себе под игом турок; мусульманской, сосредоточенной вокруг Стамбула; христианской, связанной разом с Флоренцией и Римом (Европа Возрождения, Европа Контрреформации).

Ислам и христианство противостояли друг другу вдоль разграничительной линии, проходившей с севера на юг между Средиземноморьем Западным и Средиземноморьем Восточным, линии, которая, проходя по берегам Адриатики и по побережью Сицилии, достигала побережья нынешнего Туниса. На этой линии, разделявшей надвое средиземноморское пространство, происходили все громкие битвы между «неверными» и христианами. Но торговые суда непрерывно ее пересекали» (3, с. 3).

История Средиземного моря связана с многочисленными войнами и вооруженными конфликтами. Сталкивались друг с другом империи и города-государства, отдельные страны и коалиции держав. Зачастую это были конфликты между цивилизациями. На протяжении своей истории Средиземноморье являлось ареной постоянной борьбы между Востоком и Западом, развертывающейся в планетарном масштабе. Баланс сил при этом постоянно менялся. Со времен Александра Македонского (III в. до н.э.) до падения Римской империи (V в.) Запад имел преимущество. С V в. начинает доминировать византийский и мусульманский Восток. В период Крестовых походов (XI–XV вв.) христиане овладевают Средиземным морем, и преимущество вновь переходит к Западу.

Встречи разных цивилизаций

Опыт сосуществования различных цивилизаций в средневековом Средиземноморье чрезвычайно интересен в свете современной острой дискуссии между сторонниками и противниками диалога цивилизаций. В этом отношении выделяется «испанский случай». Испания — единственная страна в Европе, где в Средние века мусульманская и христианская общины мирно сосуществовали, хотя этот мир перемежался с ожесточенным и кровопролитным противостоянием.

В 718 г., через семь лет после завоевания мусульманами Пиренейского полуострова, отряд воинов-христиан разбил мусульманскую армию в горной долине Ковадонга на северо-западе Испании, положив начало Реконкисте – отвоеванию христианами испанских земель у мусульман.

В течение семи веков, на протяжении которых шла Реконкиста, обстановка на Пиренейском полуострове отличалась невероятной сложностью и динамизмом. Военные действия, то прекращавшиеся, то возобновлявшиеся (не только между христианами и мусульманами, но и между мелкими властителями в обоих лагерях за территории и влияние), сочетались с лояльными и толерантными отношениями представителей разных конфессий.

Арабы не ломали жизненный уклад, сложившийся на Пиренейском полуострове до них. Хотя покоренное население и церковь платили завоевателям различные виды налогов, гарантировалась неприкосновенность имущества испанцев. Земли были отобраны только у церкви, лиц, бежавших или оказавших сопротивление. Завоеватели не покушались на прежнее управление, верования и обычаи.

Мусульмане не стремились силой обращать испанцев в ислам, руководствуясь прежде всего материальными соображениями. В соответствии с установленными правилами вновь обращенные платили государству меньше налогов, чем приверженцы старой веры.

Что же касается испанцев, то для них переход в ислам означал освобождение от уплаты подушной подати, возможность занятия престижной должности, а для христиан-рабов – еще и обретение личной свободы (1, с. 106–108). «В исламском обществе "дешевле" было быть мусульманином, чем христианином или иудеем», – отмечает испанский автор Х.Л. Санчес Ногалес (19, с. 42).

Параллельно с военными действиями между мусульманами и христианами, контролировавшими некоторые северные области Пиренейского полуострова, в Кордовском халифате имело место их активное общение. По словам известного испанского историка Р. Альтамира-и-Кревеа, «христиане и мусульмане часто посещали друг друга, оказывали друг другу помощь в гражданских войнах, торговали между собой и даже вступали в союзы, заключая династические браки» (1, с. 125).

В мусульманском государстве проживало множество мосарабов – испанцев, которые восприняли арабский язык и культуру. Мосарабы продолжали исповедовать христианскую религию. Некоторые христианские праздники справляли совместно мосарабы и мусульмане. Был случай, когда одно и то же здание использовалось как мечеть и христианская церковь. Поддерживая постоянные контакты с мусульманами, мосарабы обычно селились в отдельных кварталах (1, с. 132).

Важной социальной группой были также ренегаты – христиане, обращенные в ислам (это были либо испанцы, отрешившиеся от своей веры, либо родившиеся в смешанном браке мусульман и христиан). Хотя в руках ренегатов сосредоточивались промышленность и торговля, «их положение в государстве было неизмеримо ниже, чем арабских аристократов» (8, с. 75).

Арабы также испытывали влияние христиан. Появилось множество латинизированных мавров, или ладинов, – мусульман, язык которых воспринял латинские термины, особенности, свойственные речи мосарабов и ренегатов.

Лояльные отношения продолжали сохраняться и после того, как инициатива в Реконкисте перешла к испанцам, и они все дальше оттесняли арабов на юг Пиренейского полуострова. По условиям капитуляции ряда городов маврам гарантировалась личная безопасность и неприкосновенность имущества. Правда, нередко эти обязательства нарушались.

Однако с середины XIII в. война приобрела характер крестового похода, терпимость сменялась религиозным фанатизмом. Христианские хроники начали изображать мусульман «не просто как "неверных", но и как людей, связанных с Сатаной» (16, с. 271).

В отношении мавров к испанцам толерантность также сочеталась с возросшей агрессивностью. В мусульманских хрониках этого времени христиане представляли как «неверные враги Аллаха», им приписывались «предательство, обман и жестокость» (19, с. 33).

Тем не менее до конца Реконкисты в отношениях сторон превалировало лояльное отношение друг к другу. По условиям договора о капитуляции Гранады мусульманам предоставлялись широкие права, в частности: право свободно проживать в той местности и в тех домах, где они жили до сих пор; сохранение мусульманского культа, мечетей и права свободного выражения религиозных взглядов; запреты христианам входить в жилища мусульман и совершать какие бы то ни было насилия по отношению к ним; сохранение за маврами права назначать собственных правителей и судей; предоставление свободы всем военнопленным и т.д. (1, с. 48). Мирный договор создавал благоприятные возможности для мирного сосуществования христианского и мусульманского населения.

Вскоре, однако, победители забыли об условиях капитуляции мавров. Католические короли Фердинанд и Изабелла (1479–1516) перешли от умеренной пропаганды христианизации к насильственному обращению мусульман в христианство. Не желавших принять новую веру власти бросали в тюрьмы и там продолжали добиваться своих целей. На одной из площадей Гранады было сожжено множество экземпляров Корана и других религиозных книг. В 1499 г. 50 тыс. мавров крестились (8, с. 161). Но так было не везде. В ряде районов Испании доведенные до отчаяния мусульмане поднимали восстания, с трудом подавлявшиеся властями.

11 февраля 1502 г. король и королева издали грамоту, предписав всем мусульманам Кастилии и Леона либо креститься, либо покинуть Испанию (немного раньше, в 1492 г., аналогичные действия были приняты против евреев). Многие из мусульман крестились, превратившись в морисков – обращенных мусульман.

Новоокрещенные мавры, так же как и евреи, находились под надзором инквизиции, поскольку их подозревали в том, что они продолжают тайно исповедовать свою прежнюю религию. Власти и инквизиция отслеживали «чистоту крови»: для занятия чиновничьих должностей и повышения в звании в армии каждый должен был предоставить доказательства того, что среди его предков не было мавров. Политика этнической дискриминации привела к возникновению в испанском обществе атмосферы враждебности между «новыми» и «старыми» христианами. В 1609–1614 гг. мориски были изгнаны из страны.

Однако депортация коснулась далеко не всех морисков. Одних спасли от репрессий богатые и влиятельные испанцы, нуждавшиеся в хороших работниках, другие состояли в смешанных браках. Примечательно, что эти мориски не были ассимилированы. Они сохранили свои традиции и культуру, внося заметный вклад в формирование многосоставной культуры Испании.

Другой пример встречи цивилизаций в зоне Средиземноморья – господство Турции на Балканах – территории, входившей в орбиту византийской цивилизации. На Балканах существовали две зоны, по-разному реагировавшие на влияние Турции. Вся западная часть Балкан, отгороженная горами, плохо поддавалась турецкой экспансии. Напротив, на востоке – от Дуная до Эгейского моря – прочно утвердились черты турецкой цивилизации.

В отличие от мусульман из Северной Африки, не посягавших на основы испанского образа жизни, турки разрушили устои болгарского общественного устройства. Они перебили и увели в Азию представителей местной знати, сожгли церкви, внедрили систему пожалований за дворянскую службу, которые превратились в наследственные владения аристократии. Турецкие завоеватели в Болгарии «не нуждались в покорении крестьян, которые уже находились в рабстве и привыкли к подчинению. Они были готовы трудиться дальше и трудились» (4, с. 617–618). Турецкое влияние на развитие Балкан было велико. «Своим азиатским колоритом, столь заметным в быту Балкан, они обязаны турецкому исламу», – отмечает Ф. Бродель (4, с. 615).

Болгары, чтобы выжить, вынуждены были покориться турецкому нашествию. За долгие годы сосуществования с турками болгары, многое позаимствовав у них, не растворились в их массе. Болгары отстаивали лучшие черноземные территории, упорно защищая их. Турецкие крестьяне, переселившиеся из Малой Азии, вынуждены были довольствоваться лесистыми склонами или заболоченными участками. Несмотря на 500-летнее турецкое иго, болгары сохранили свою сущность. Они сумели сберечь то, что помогло им не раствориться, – свою веру и свой язык, залогом будущего возрождения (4, с. 620).

Таким образом, на Балканах, как и на Пиренейском полуострове, победители не сумели ассимилировать побежденных. В первом случае христиане, во втором мусульмане сохранили свою цивилизационную неповторимость, оказав при этом значительное влияние на культуру друг друга.

Средиземноморье в международной политике (XIX–XX вв.)

Изгнание мусульман из Испании стало одним из свидетельств определившегося к концу Средневековья преобладания Европы над мусульманскими странами в регионе Средиземного моря. Одновременно снизилось геостратегическое значение Средиземного моря, еще недавно казавшегося многим «центром мира». Это обстоятельство было связано с развитием международных отношений на многих направлениях, в частности с открытием и освоением американского континента.

Ситуация изменилась во второй половине XIX в. после начала функционирования Суэцкого канала, открывшего возможность транзита из Атлантического в Индийский океан и приблизившего метрополии к колониям. Великобритания, Франция, Италия, а позже Германия продолжили имевшую место и ранее борьбу за контроль над морем, которая продолжалась до середины XX в. Успех сопутствовал Великобритании и Франции. Лондону удалось поставить под свой контроль входы в Средиземное море – Гибралтар и Суэц. Франция, вытесненная из Средиземноморья Великобританией в конце XVIII в., вернулась туда в 1830-е годы, превратив в свою колонию Алжир, а позже установив протекторат над Тунисом и Марокко (в последнем случае совместно с Испанией).

В годы колониализма уровень единства, политических, экономических, социальных и административных связей между двумя берегами Средиземноморья был исключительно высок. По мнению А.В. Мальгина, в период XIX – первой половины XX в. «можно говорить о существовании единого Евро-Средиземноморского региона». После периода господства в Средиземноморском регионе Рима это был второй исторический прецедент существования единого, Большого Средиземноморья (10, с. 219).

В годы Второй мировой войны в Средиземноморье появилась новая сила – США, постепенно потеснившая европейские метрополии и оказавшая существенное влияние на развитие региона. Американские военные корабли прибыли сюда в 1942 г. для обеспечения высадки англо-американских войск в Северной Африке. В 1946 г. была сформирована средиземноморская эскадра, а в 1948 г. на ее основе был создан 6-й флот, основная задача которого состояла в контроле за развитием политических событий в Италии и на Балканах, поскольку здесь, по мнению США, существовала угроза распространения «коммунистической опасности».

В 1960-е годы на территории Испании находились авианосцы 6-го флота с самолетами-носителями ядерного оружия и стратегические подводные лодки с ракетами «Поларис», способными достичь территории СССР. Эти действия вызвали ответную реакцию СССР, противопоставившего США свою базовую авиацию и военно-морской флот. Таким образом, Средиземноморье превратилось в зону, связанную прежде всего с военно-стратегическим противостоянием СССР и США на глобальном уровне (2, с. 53, 88). Военно-морские силы двух

держав вошли в непосредственное соприкосновение. Их концентрация в Средиземноморье была выше, чем в какой-либо другой точке планеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.